

— Гу, мне кажется, я такая никчемная, поэтому вы меня и терпеть не можете.

В голосе Цзян Нин сквозила обида, которой она сама не замечала. Возможно, причина была в том, что взгляд мужчины сейчас казался непривычно мягким — совсем не таким, каким она видела его раньше. Именно поэтому она и позволила себе проявить слабость в его присутствии.

Гу Сяо, который всегда был абсолютно невосприимчив к чужим эмоциям, неожиданно уловил в голосе девушки нотки обиды и, прежде чем успел подумать, выпалил:

— Я тебя не ненавижу.

Прожив больше половины жизни и никогда никого не утешая, Гу Сяо, неуклюже произнес эту фразу, растерялся и не знал, что делать дальше. Он просто, не мигая, уставился на лицо Цзян Нин, отчего та смутилась.

Взгляд Гу Сяо был пугающе прямым. В нем не было ни раздевающей оценки, ни двусмысленного любопытства — лишь чистое, детское исследование чего-то неизведанного.

Цзян Нин показалось, что она ведет себя слишком жеманно. Она опустила голову и уткнулась лицом в грудь Гу Сяо, но даже так чувствовала, что его взгляд не сдвинулся ни на миллиметр.

Сегодняшний Гу Сяо был очень странным. По-настоящему странным. Что значило это пристальное внимание? Да и слова его звучали как-то нелепо. Цзян Нин совершенно не понимала, как с ним общаться. Разве нельзя было все оставить как прежде? Сразу к делу, без всяких пустых любезностей. Но сегодня Гу Сяо явно не собирался играть по ее правилам.

Гу Сяо, глядя вниз, видел лишь макушку девушки, уткнувшейся в его грудь. Тепло ее дыхания обжигало его обнаженную кожу, делая ее еще горячее. Однако у него не возникло ни малейшего желания оттолкнуть ее. Напротив, он поймал себя на мысли, что поведение Цзян Нин кажется ему... милым. Она была очень похожа на бордер-колли по кличке Китти, которую держал старик, — та тоже виляла хвостом, выпрашивая ласку.

Не спрашивайте, почему Гу Сяо так хорошо это запомнил. Просто с тех пор, как старик завел собаку, он постоянно слал ему фотографии и видео. Если Гу Сяо не смотрел, его телефон разрывался от звонков и сообщений, из-за чего он уже пару раз отправлял старика в черный список. Гу Сяо прекрасно понимал намерения отца: тот просто хотел сблизиться с ним под предлогом любви к собаке. Он понимал, но принять этого не мог. Однако умильный вид Китти все же отложился в памяти. Поэтому сейчас, глядя на Цзян Нин, он и подумал о том, что она милая.

Заметив, что Гу Сяо долго молчит, Цзян Нин украдкой подняла голову и тут же встретилась с ним взглядом. Она мгновенно залилась краской. А еще больше ее поразило то, что... Гу Сяо протянул руку и взъерошил ее волосы!

Цзян Нин не могла в это поверить. Она широко распахнула глаза, пытаясь понять, не вселился ли в него какой-нибудь дух.

— Я не должен был пытаться выгнать тебя. Не злись, хорошо?

Тон Гу Сяо был таким мягким, что никто из знавших его людей не поверил бы, что это говорит он.

Гу Сяо погладил ее еще раз — ощущение оказалось приятным. Кажется, старик именно так успокаивал Китти? Сначала погладить по голове, потом сказать что-то ласковое. Но почему Цзян Нин не выглядела утешенной? Напротив, она казалась до смерти напуганной.

Гу Сяо молча убрал руку, которую хотел было положить ей на голову снова. Нежность на его лице исчезла, сменившись привычной холодностью.

Почувствовав, что Гу Сяо отстранился, Цзян Нин робко взглянула на него, но не увидела на лице мужчины никаких лишних эмоций. Она наконец выдохнула. Вот теперь все правильно, это же Гу Сяо. Тот, кто был секунду назад, должно быть, просто какой-то бес, ненадолго вселившийся в его тело. Если бы Цзян Нин узнала, что ее утешали как собаку, она бы точно пришла в ярость.

— Господин Гу, уже глубокая ночь. Меньше четырех часов до рассвета, вы не собираетесь отдыхать? — Цзян Нин лежала рядом, обнимая подушку, и хлопала ясными глазами.

Честно говоря, она была смертельно уставшей. Ее вырвали из сна, глаза саднило, а тело ломило. Она очень хотела, чтобы Гу Сяо закончил свои дела поскорее и позволил ей выспаться! В конце концов, не ей же работать, она еще могла потерпеть.

Гу Сяо прекрасно видел этот взгляд — вроде бы заботливый, но с двойным дном. Он легко догадался, о чем она думает.

— М-м.

Получив разрешение, Цзян Нин сама потянулась к его халату. Тот и так был накинута на плечи свободно, поэтому она без труда сбросила его, обнажив идеальный торс мужчины. Но вдруг Гу Сяо перехватил ее руки. Цзян Нин замерла в недоумении.

— Ты сама сказала, что уже поздно. Давай спать, мне завтра нужно заняться делами, — Гу Сяо поправил одежду и спокойным тоном объяснил свой отказ.

Цзян Нин была ошеломлена еще больше. Гу Сяо выключил свет, и комната погрузилась в полную темноту. Пока она пребывала в растерянности, мужчина уже натянул одеяло, лег ровно и закрыл глаза, готовясь ко сну.

Цзян Нин тихонько пододвинулась к его уху.

— Господин Гу? — прошептала она.

Если он не ответит, она немедленно позвонит дворецкому Ляну, чтобы тот приехал и подтвердил, настоящий ли это человек.

— М-м? — Гу Сяо не понимал, какие у нее могут быть вопросы, но ответил на удивление покладисто.

Это было полной противоположностью тому, как он вчера молча приказал увести ее прочь. За один день Цзян Нин почувствовала себя так, словно прокатилась на американских горках.

— Можно я буду обнимать вас во сне? — решила она попытать удачи.

Гу Сяо никогда не позволял никому нарушать его покой во время сна. Раньше Цзян Нин просто засыпала, а потом оказывалась на самом краю кровати, на таком расстоянии, что между ними поместился бы еще один человек. Да и спала она спокойно, никогда не приползала в объятия мужчины среди ночи.

Ее просьба, прозвучавшая как мурлыканье кошки, заставила кончики ушей Гу Сяо покраснеть. Он и не замечал, что Цзян Нин такая привязчивая — ей нужно, чтобы ее обнимали даже во сне. Но, как ни странно, это его не раздражало. Напротив, внутри что-то зазудело, словно вот-вот должно было прорасти нечто новое. Раздражение, копившееся весь день, исчезло, как только она прижалась к нему.

— М-м.

Ответ был таким же, как обычно, но в нем отчетливо слышалась нотка радости. В темноте выражение лица Цзян Нин стало еще более растерянным. Нет... это правда Гу Сяо?!

Прождав некоторое время и не дождавшись от нее действий, Гу Сяо открыл глаза и увидел, что они лежат совсем близко. Он знал, что она что-то шептала ему на ухо, но не думал, что они почти соприкасаются лицами! Аромат другого человека сплетался с его собственным, и Гу Сяо, к собственному удивлению, лишился дара речи.

Хотя свет был выключен, Цзян Нин видела очертания мужчины. Увидев, что он открыл глаза, она задышала чаще, боясь, что он сейчас разозлится и выставит ее за дверь посреди ночи. Прецеденты уже были. Она тут же послушно легла, обхватила его за руку и прижалась лицом к его плечу.

— Тогда, господин Гу, спим. Доброй ночи! — выпалила она и, как страус, спрятала лицо, закрыв глаза.

Гу Сяо чувствовал, какими мягкими были руки, обвившие его плечо. Уголки его губ непроизвольно поползли вверх, а зуд в груди не утихал. Он думал, что не привыкнет к таким объятиям и будет страдать от бессонницы, но, услышав размеренное дыхание человека рядом, сам незаметно погрузился в сон.

Сегодня у Гу Сяо было отличное настроение.

Когда Гу Лэ, накинув рюкзак, спускался вниз и увидел отца, сидящего на диване с газетой и закинувшего ногу на ногу, он невольно подумал об этом. Хотя внешне Гу Сяо ничем не отличался от обычного дня — безупречный вид, полное отсутствие эмоций, волосок к волоску — Гу Лэ все равно чувствовал, что тот доволен.

— Папа! — Гу Лэ сохранял спокойствие, хотя в голове крутилась куча мыслей.

Он уже собирался сказать, что уходит в школу, но встретился взглядом с отцом, и фраза застряла в горле. Годы давления не позволяли ему сохранять хладнокровие под этим взглядом. Как говорится, отец есть отец: каким бы сильным ты ни был, перед ним все равно приходится поджимать хвост.

Но в этот раз Гу Лэ не почувствовал привычного тяжелого давления. Гу Сяо поправил очки в черной оправе — такие обычно носят студенты, но на нем, в его возрасте, они смотрелись удивительно органично, делая его моложе. Кто бы мог подумать, что у него такой взрослый сын? Скорее можно было принять их за братьев! Гу Лэ очень хотелось сказать: Пф, молодится!

— Ты в старшей школе? — спросил Гу Сяо.

В глазах Гу Лэ мелькнуло удивление — не потому, что отец не знал, в каком классе он учится, а потому, что тот вообще решил заговорить с ним о чем-то личном.

— Да, я в первом классе старшей школы, — честно ответил Гу Лэ.

Дворецкий Лян, стоявший в стороне и боявшийся издать хоть звук, почувствовал облегчение: неужели господин наконец начал проявлять интерес к сыну?

— Как успехи?

Гу Сяо отвел взгляд и вернулся к газете. Напряжение, сковывавшее Гу Лэ, немного спало.

— Кроме китайского языка, по всем предметам высший балл, — голос Гу Лэ звучал ровно, словно эти оценки не значили для него ничего особенного.

Цзян Нин, спускавшаяся по лестнице, услышала это и посмотрела на Гу Лэ с нескрываемым

восхищением. Когда она училась в школе, получить проходной балл было для нее подвигом, и она знала, насколько сложно сейчас учиться. Не зря он главный герой! Настоящий любимчик небес! Чистой воды отличник!

Однако Гу Сяо никак не прокомментировал это, лишь слегка кивнул, показывая, что услышал. Краем глаза он заметил человека на лестнице, но обнаружил, что взгляд девушки устремлен не на него. Лицо мужчины мгновенно помрачнело.

Цзян Нин все еще смотрела на главного героя, не замечая перемен. Она завидовала Гу Сяо: иметь такого умного сына — это же мечта, с ним так легко! Боже, кто же не любит детей-отличников? Ее восхищение Гу Лэ было абсолютно искренним.

— Папа, я пошел в школу.

Гу Лэ почувствовал внезапное похолодание и решил, что отец недоволен его результатами — ведь не по всем предметам высший балл! Он поспешил скрыться.

— Ты не будешь завтракать? Сейчас только семь с небольшим, вряд ли опоздаешь, — Цзян Нин уже второй раз видела, как Гу Лэ уходит голодным, и, вдохновленная вчерашней снисходительностью Гу Сяо, не выдержала.

После ее слов Гу Лэ остановился, а газета в руках Гу Сяо пошла складками. Обернувшись, Гу Лэ увидел Цзян Нин, медленно спускавшуюся по лестнице. Опять эта женщина! Вспомнив вчерашний разговор деда с отцом, он все понял. Его отец действительно нашел ему мачеху! Он так и знал, что это она!

На душе стало неприятно, но он вдруг заметил, что в глазах этой женщины лишь чистота и доброжелательность. Казалось, она спросила просто так, без задних мыслей. Гу Лэ перевел взгляд на лицо отца. Если он так равнодушен к родной матери, то насколько сильно может любить эту мачеху? Ему стало любопытно. Ведь эта женщина, кажется, перешла черту.

Цзян Нин поняла, что атмосфера стала неловкой. Может, ей не стоило спрашивать?

Гу Сяо отложил газету, в которую так и не вчитался, и первым направился в столовую. Дворецкий Лян был мастером улавливать настроение хозяина. Не дожидаясь команды, он уважительно произнес:

— Молодой господин, госпожа Цзян, прошу пройти к столу.

Дворецкий Лян обычно заботился о Гу Лэ, но в конце концов зарплату ему платил господин, поэтому он всегда слушался его в первую очередь. Гу Лэ, сжимая лямки рюкзака, опустил глаза, погрузившись в свои мысли.

Цзян Нин кивнула и пошла в столовую, но на ходу обернулась и украдкой показала Гу Лэ

большой палец. В ее мягких глазах светилась улыбка. Она сказала:

— Ты молодец!

Гу Лэ застыл. Прошло много времени, прежде чем дворецкий Лян снова напомнил о себе, и только тогда он двинулся следом. Эта женщина... она просто невыносима, она перешла черту! Кто позволил ей так с ним разговаривать? Но румянец на его щеках опровергал эти мысли. Он не ненавидел ее похвалу. Потому что... это был первый раз, когда кто-то похвалил его.

Цзян Нин, как и прежде, села рядом с Гу Сяо. Говорят, повторение — мать учения, и теперь она чувствовала себя менее скованно. Периодически она даже пыталась заговорить с ним, но, глядя на его холодное лицо, не решалась. Вчера же все было хорошо, как он мог снова превратиться в ледяную глыбу после сна? Цзян Нин махнула на это рукой и с аппетитом принялась за завтрак.

Никто не произносил ни слова, в столовой царила тишина, нарушаемая лишь звоном приборов. Поев, Гу Лэ взглянул на часы. Его длинные ресницы дрогнули, он продолжал смотреть в тарелку.

— Папа... тетя, я пошел в школу.

Сказав это, он схватил рюкзак и вышел из столовой, не дав Цзян Нин ответить. Она оторвалась от еды. Он что, только что попрощался с ней? Она в недоумении захлопала глазами. Раньше Гу Лэ всегда игнорировал ее, словно ее не существовало, а тут вдруг попрощался. Хотя ее называли тетей, Цзян Нин ничуть не расстроилась.

— Господин Гу, ваш сын такой вежливый! — не удержалась она, наклонившись к самому уху Гу Сяо и улыбаясь.

Гу Сяо не мог описать свои чувства. Цзян Нин, проснувшись, первым делом посмотрела не на него, а на Гу Лэ. Что хорошего в этом подростке?! Гу Сяо молчал, бросив на радостную Цзян Нин холодный взгляд, от которого у нее по спине пробежал холодок. Что, нельзя похвалить сына?

Гу Сяо действительно был не в духе. Он не понимал почему, но внутри все неприятно ныло.

— Господин Гу, — Цзян Нин вдруг пододвинула стул вплотную к нему.

Словно у нее совсем не было костей, она обняла его за руку и прильнула к плечу. Голос ее звучал мягко, почти как при ласке:

— Пока ваш сын был здесь, я не решалась сказать... вы сегодня так хороши в этом костюме!

Взгляд Гу Сяо, скрытый за стеклами очков, мгновенно смягчился. Вся досада исчезла, сменившись сладким чувством, от которого хотелось радоваться.

— М-м.

Он не оттолкнул ее, а наоборот — протянул руку и взъерошил ее макушку. Атмосфера разрядилась, напряжение Цзян Нин улетучилось. Она поняла, что нашла подход к Гу Сяо. Она не стала сопротивляться его ласке, а сама, улыбаясь, потерлась головой о его ладонь — это выглядело донельзя мило.

Дворецкий Лян, который уже готов был забиться в угол, мечтал о том, чтобы у него не было глаз. Неужели он видит слишком много? Боже! Неужели он дожил до того дня, когда господин проявляет такую нежность? Его не убьют за это? Дворецкий Лян в своих начищенных туфлях сжался так, что пальцы ног свело судорогой, но на лице он сохранял невозмутимое выражение.

Гу Сяо тоже был очарован этой выходкой Цзян Нин, но все же не забыл о своем недавнем раздражении. Он взял ее за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза:

— Больше не пялся так ни на кого в моем присутствии. Мне это не нравится.

Цзян Нин почувствовала скрытую угрозу в его словах. Она не могла сообразить, на кого она так пялилась. Недовольный ее рассеянностью, Гу Сяо чуть сильнее сжал подбородок, и голос его стал холоднее:

— Ты слышала?

Цзян Нин поморщилась от боли и пришла в себя. Взгляд мужчины уже стал ледяным.

— С-слышала, — пробормотала она.

Гу Сяо все-таки не так прост. Только что гладил по голове, а теперь уже злится. Получив удовлетворительный ответ, он отпустил ее подбородок. К его удивлению, на коже остался красный след от пальцев. Гу Сяо думал, что почти не давил, значит, у нее просто слишком нежная кожа. Она покраснела от любого прикосновения.

Этот досадный след раздражал его. Он кончиком пальца потер красное пятнышко, пытаясь его стереть, но от этого оно стало только ярче. Гу Сяо окончательно сдался. Какая же она хрупкая.

Цзян Нин не понимала, почему он продолжает тереть ее подбородок, от чего становилось щекотно. Но, видя его сосредоточенное лицо, она не решалась нарушить тишину. Если ему нравится ее трогать, значит, она ему нравится! А если она ему нравится, то сможет остаться рядом.

Дворецкий Лян снова стал свидетелем этой нетипичной сцены. Оказывается... господин в частной жизни общается с госпожой Цзян именно так? А ведь говорили, что он не подпускает к себе женщин! Сколько дочерей знатных семейств хотели выйти за него замуж, но всем он отказывал. Разве не говорили, что в его сердце только работа?

Дворецкий Лян взглянул на часы. Уже почти восемь. Разве господин не говорил, что у него в восемь утреннее совещание?

<http://bllate.org/book/22208/2315179>